
Алина Пишняк, Дарья Попова

УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ МОСКОВСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ: ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ

Статья посвящена мониторингу наиболее значимых характеристик уровня жизни и социального самочувствия жителей Москвы. Особенностью данной работы является многокритериальный подход к оценке благосостояния и социального самочувствия населения, что позволяет всесторонне оценить основные изменения в текущем жизненном стандарте жителей столицы. Опираясь на данные обследования «Москва и москвичи» за 2012–2014 гг., изучаются объективные и субъективные показатели уровня жизни в мегаполисе. Приводятся результаты исследования материальной обеспеченности и бедности (согласно показателям доходов, лишений, а также комбинированному идентификационному подходу), анализируются субъективные оценки благосостояния и положения в обществе. Отдельное внимание уделяется актуальным для населения проблемам с целью получения более полного представления о социальном самочувствии жителей Москвы.

Ключевые слова: уровень жизни, качество жизни, благосостояние, доходы, бедность, социальное самочувствие, население Москвы

Уровень жизни и благосостояние чаще всего измеряются денежными доходами, которые затем используются для определения уровня бедности, неравенства, динамики условий жизни населения. Данная традиция преобладает в системах национального статистического учета, межстрановых сопоставлениях и отдельных исследованиях материальных усло-

Алина Игоревна Пишняк – к.с.н., ведущий научный сотрудник Центра анализа доходов и уровня жизни НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Электронная почта: a.pishniak@socpol.ru

Дарья Олеговна Попова – PhD, к.э.н., ведущий научный сотрудник Центра анализа доходов и уровня жизни НИУ ВШЭ, Москва, Россия. Электронная почта: dpopova@hse.ru

вий жизни. Однако, очевидно, что понятия уровень жизни, благосостояние и доходы не являются тождественными.

Все большее число ученых и практиков разделяют мнение: оценки доходов или ВВП на душу не могут служить надежными показателями прогресса в области благосостояния. В частности, Комиссия по измерению экономического и социального прогресса, основанная Николя Саркози и возглавляемая Джозефом Стиглицем, выпустила доклад, в котором отмечается ограниченность показателя ВВП. Доклад рекомендует дополнять его оценками потребления и богатства, а также проводить мониторинг показателей качества жизни, включая показатели здоровья, образования и политических свобод (Stiglitz et al. 2009). Первые попытки измерения различных аспектов благосостояния в соответствии с предложенными рекомендациями были сделаны международными организациями. Организация экономического сотрудничества и развития, объединяющая тридцать четыре наиболее развитых стран мира, разработала индекс качества жизни (OECD 2011), который позволяет сравнивать страны как по индикаторам материального благосостояния (ВВП, душевые доходы), так и по таким направлениям, как доступность занятости, качественного образования, жилищные условия, окружающая среда и т.д. Программа развития ООН, выпускающая Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), начала оценивать Многокритериальный индекс бедности, призванный дополнить оценки недостающего дохода индикаторами, отражающими ограничения доступа к здравоохранению, образованию и нормальным условиям жизни.

С другой стороны, в России актуальность многокритериального подхода вызвана к жизни проблемами статистического учета доходов. Как и в других постсоциалистических странах с большим неформальным сектором, денежные доходы являются лишь косвенной и не всегда самой точной характеристикой благосостояния домохозяйств. В частности, Росстат не собирает данные о доходах домохозяйств в ОБДХ, считая их ненадежными. Оценки доходов страдают от неточного измерения, сокрытия самими респондентами и сезонности (Ovcharova, Tesliuk 2006). Таким образом, изучение уровня жизни нужно вести, комбинируя несколько индикаторов. Мы рассмотрим как объективные, так и субъективные характеристики положения населения Москвы. Такая трактовка (базирующаяся на учете не только доходов, потребления, но и социального самочувствия домашних хозяйств) может существенно скорректировать наши представления.

Изучить уровень жизни населения столицы позволяют данные мониторинга «Москва и москвичи» (МиМ)¹, который проводится в столице

¹ Мониторинг реализуется Институтом гуманитарного развития мегаполиса, подробнее см. URL: igtm.info. Размер выборки МиМ составил: в 2012г. – 3110 респондентов, в 2013г. – 3127 респондентов, в 2014г. – 3109 респондентов.

с 2012 г. Опрос репрезентативен для Москвы и учитывает окружной принцип деления мегаполиса. Ежегодно опрашивается не менее 3000 жителей Москвы в возрасте от 18 лет, причем фиксируется информация, касающаяся как самих респондентов, так и других членов домохозяйств, в которых они проживают. Мониторинг содержит данные по целому ряду характеристик жизни в столице, в числе которых показатели благосостояния и социального самочувствия (от уровня дохода до субъективной оценки материального положения).

Уровень и неравенство в распределении денежных доходов

Согласно данным обследования МиМ¹, номинальный доход населения Москвы в 2014 г. по отношению к 2013 г. составил 104,4%, а по отношению к 2012 г. – 111,6%. Однако с учетом роста цен в рассматриваемые периоды, динамика реальных доходов населения Москвы была отрицательной: в 2014 г. реальные доходы составляли 97,9% от уровня 2013 г., и 98,2% от уровня 2012 г. Но не все доходные группы пережили снижение реальных доходов в период наблюдения: в частности, доходы первого квинтиля (20% населения с самыми низкими доходами) в реальном выражении практически не изменились, тогда как доходы представителей третьего квинтиля выросли на 9,2%.

За период наблюдения (2012–2014 гг.) не произошло статистически значимых изменений в значении коэффициента Джини, хотя в последний год наблюдалось заметное снижение коэффициента фондов, отражающее разрыв в доходах между самыми богатыми и самыми бедными. Последнее связано со снижением доли бедных по доходам² с 12,6% в 2012 г. до 11,2% в 2014 г. Уровень бедности в Москве ниже среднероссийского уровня (по данным макростатистики 9,3 и 11%, соответственно). Учтем, что уровень бедности зависит от покупательной способности доходов – то есть от стоимости жизни в регионе – и от распределения доходов по группам населения. Высокая стоимость жизни в Москве не способствует быстрому сокращению уровня бедности даже при высоких доходах. Сегодня Москва – это регион с самой высокой поляризацией населения по доходу: коэффициент фондов в Москве превышает общероссийский в 1,7 раза, коэффициент Джини – в 1,2 раза.

¹ В целях сопоставимости результатов обследования с макростатистикой, выборка обследования МиМ была перевзвешена согласно ряду распределения доходов жителей Москвы за соответствующий год.

² Бедными по доходам считаются индивиды с душевыми доходами ниже черты абсолютной бедности – или прожиточного минимума.

Средние душевые доходы домохозяйства зависят от демографической структуры семьи¹, концентрации индивидов с высшим образованием² и занятых в домохозяйстве³. Например, среднедушевые доходы семей с детьми в 1,6 раза ниже среднедушевых доходов домохозяйств без детей и в 1,45 ниже среднедушевых доходов по Москве. Доходы семей, в составе которых нет взрослых с высшим образованием, составляют 75% от среднего уровня доходов в Москве, тогда как доходы семей, в которых у всех есть высшее образование на 20% превышают средний уровень. Уровень образования определяет интенсивность занятости членов домохозяйства. Поэтому доходы домохозяйств, где все трудоспособные имеют работу, превышают средние по Москве на 20%, тогда как среднедушевые доходы семей, где все трудоспособные либо являются безработными, либо экономически неактивными, в 4 раза ниже среднедушевого дохода по Москве.

Бедность по доходам

С точки зрения демографической структуры повышенные риски попадания в бедность по доходам как в Москве, так и в целом по России имеют семьи с детьми до 18 лет. Вероятность попадания в категорию бедных для них в 2 раза выше, чем для бездетных домохозяйств в Москве и в 2,6 раза выше среднероссийской. Столица характеризуется сверхвысокими рисками бедности семей с тремя и более детьми (73,9% против 46,6% в целом по России) и домохозяйств пенсионеров (18,2%), что связано с высокой стоимостью жизни (по России риск бедности пенсионеров статистически незначим – 1%). При этом риски бедности снижаются в 2,3 раза при наличии в домохозяйстве хотя бы одного взрослого с высшим образованием, но 8% таких домохозяйств все же оказываются за чертой бедности, поскольку заняты в бюджетном секторе. Если обратиться к профилю бедности по статусу занятости, то максимальные риски бедности характерны для домохозяйств, где все трудоспособные не работают (69,6%), однако, таких домохозяйств в Москве не более 1%, поэтому их вес в профиле бедности невелик. Повышенные риски бедности имеют домохозяйства с безработными (43,1%), размер этой группы невелик (2,3%), поэтому ее представители не так часто встречаются среди бедных.

¹ Демографическая структура домохозяйства зависит от числа детей до 18 лет, наличия супружеской пары и взрослых в трудоспособном (мужчины 18–64 лет и женщины 18–54 лет) и пенсионном возрасте (мужчины 65+ лет и женщины 55+ лет).

² Уровень образования в домохозяйстве рассчитывается как соотношение числа взрослых в возрасте 23 лет и старше с высшим и без высшего образования.

³ Статус занятости определяется по соотношению в домохозяйстве трудоспособных и занятых, а также наличию неработающих пенсионеров/студентов, безработных и экономически неактивных.

Бедность по потребительским лишениям

Общепринятой практикой в европейских исследованиях является измерение бедности с помощью метода относительных лишений – деприваций (Townsend 1979). В России этот метод применялся всего несколько раз (см. РИДМИЖ и СПРИЛЮ). Согласно данному подходу, лишение по определенному благу присутствует, если домохозяйство не может себе позволить его из-за нехватки средств, но не по другим причинам. Для Москвы в 2014 г. были характерны недостаток средств для оплаты дорогостоящих медицинских услуг (63 % всех домохозяйств) и невозможность накопить на крупные покупки (58,8 %). Проблемы, распространяющиеся на четверть и более домохозяйств – это недостаток средств для замены мебели и бытовых приборов (24,6 %) и для оплаты недельного отпуска вне дома (24,2 %), недорогого профессионального образования (15,8 %), а 12,2 % не в состоянии приглашать родственников и друзей на семейные праздники. Значительное число семей сталкиваются с невозможностью удовлетворить даже потребности базового уровня: потреблять фрукты и овощи в нужном количестве (9,3 %), оплатить покупку лекарств и медицинские услуги (7,1 %), обновить одежду и обувь (7,3 %), и не реже, чем через день, есть мясо, курицу, рыбу (8,1 %). Наименее распространенным видом лишений является невозможность обеспечить нормальное отопление – 2,8 %.

Но по некоторым видам лишений (потребление фруктов и овощей, покупка одежды, оплата недорогих медицинских услуг, профессионального образования, замена мебели) наблюдается значительное сокращение долей по сравнению с показателями 2013 г. Практически неизменно число семей, не имеющих возможности покупать мясо/рыбу, приглашать в гости друзей, проводить отпуск вне дома, оплачивать крупные покупки и дорогостоящие медицинские услуги.

Все виды лишений встречаются в Москве реже, чем в целом по России. При этом москвичи в три раза реже испытывают лишения, связанные с недоступностью лечения, оплаты отпуска и организации семейных праздников, тогда как доля тех, кто не может позволить оплату образования, в 6 раз ниже общероссийского показателя.

Согласно депривационной концепции бедными считаются семьи, испытывающие социальную исключенность по причине недоступности среднего потребительского стандарта на данной территории. Для выделения сегмента бедных учитываются лишь те лишения, которые распространяются более чем на половину выборки. Согласно этому критерию в итоговый список лишений по МиМ вошли только шесть из восьми индикаторов, поскольку отсутствие средств на крупные покупки и дорогостоящие медицинские услуги распространяется более чем на половину населения Москвы. К бедным отнесены те домохозяйства, которые сталкивались как минимум с двумя видами лишений – 23,1 % семей.

В отличие от бедности по доходам, домохозяйства с детьми до 18 лет имеют более низкие риски бедности по депривациям, чем бездетные домохозяйства. Группы с максимальным риском депривационной бедности – это семьи с тремя и более детьми и домохозяйства пенсионеров. Так как доходы связаны с уровнем образования, мы наблюдаем рост вероятности лишений при отсутствии в домохозяйстве взрослых с высшим образованием. Также высоки риски бедности по лишениям у домохозяйств, в которых все трудоспособные незаняты.

В Москве зона пересечения сегментов бедных по доходам и по потребительским лишениям не так велика, как можно было бы ожидать – лишь 5,6%. Но подобные расхождения между множествами бедных по доходам и депривациям наблюдаются и в целом по России (Овчарова и др. 2014), и в большинстве европейских стран (Whelan, Maitre 2009). Они объясняются рядом причин. Во-первых, существуют определенные искажения, присутствующие в ответах респондентов на вопросы об уровне их благосостояния. В группе бедных по доходам оказываются те, кто имеет скрытые доходы, но не имеет лишений. В то же время семьи, живущие на грани бедности, но честно указавшие свои доходы, попадают в категорию среднеобеспеченных, в то время как их душевой доход в абсолютном выражении может быть всего на 10 руб. выше черты бедности. Во-вторых, небедные семьи могут испытывать лишения, связанные с медицинским обеспечением, образованием (т.е. иметь расходы, не предусмотренные при расчете величины прожиточного минимума), и за счет этого попадают в категорию бедных по депривационной концепции. Однако существуют и другие подходы к идентификации бедности.

Субъективные оценки бедности

Альтернативой рассмотренным выше абсолютному и относительному подходам к оценке бедности служит субъективная концепция бедности (Van Praag et al. 1980). Субъективные оценки, как правило, согласованы со стратегиями поведения и намерениями респондентов. При принятии решений о рождении детей, смене места работы и пр., респонденты, если и принимают во внимание достигнутый уровень материального положения, то только в субъективном его измерении.

Согласно данным МиМ, представления о стандартах потребления меняются в зависимости от уровня доходов, демографического типа, уровня образования и занятости домохозяйств. Чем выше доходы, тем выше потребности. Для домохозяйств с доходами ниже прожиточного минимума (ПМ) субъективная черта бедности в 2014 г. проходила на уровне 17850 руб. на человека в месяц, тогда как для домохозяйств с доходами в размере четырех и выше для «выживания» необходимо было в 1,4 раза больше (24630 руб.). Семьи, где присутствует хотя бы один взрослый

с высшим образованием, указывают в 1,2 раза более высокий доход в качестве стандарта прожиточного минимума, в сравнении с семьями, где ни у кого нет высшего образования. Минимальный стандарт, указанный семьями пенсионеров в 1,4 раза ниже стандарта, указанного семьями с детьми до 18 лет и в 1,5 раза ниже стандарта, указанного семьями трудоспособных без детей.

В среднем по выборке субъективная черта бедности в 2014 г. проходила на уровне 21300 руб. (в 2013–27478 руб¹, а в 2012–20921 руб.). Очевидно, что минимальный потребительский стандарт даже по представлениям самых бедных и малообразованных домохозяйств – в 2 раза выше официально установленной черты бедности, а средний потребительский стандарт – в 2,3 раза выше минимального, соответственно, как минимум в 4 раза выше официальной черты бедности. Согласно данным МиМ эти соотношения оставались постоянными на протяжении последних трех лет.

Официальный прожиточный минимум не соответствует представлениям московского населения о минимально приемлемом образе жизни. Если применить указанный домохозяйством минимальный стандарт в качестве индивидуальной черты бедности для данного домохозяйства, бедными могли бы считаться 36,4% населения Москвы. Процент субъективно бедных в 3 раза выше доли бедных по доходам и в 1,6 раза выше доли бедных по депривациям. Распределение рисков субъективной бедности в разрезе социально-демографических групп ближе к профилю бедности по депривациям: пенсионеры чаще ощущают себя бедными (64%), чем домохозяйства с несовершеннолетними детьми (46,6%) и домохозяйства трудоспособных (18,8%). Лидерами по рискам субъективной бедности являются домохозяйства, в которых никто из трудоспособных не работает (94,7%) и многодетные супружеские пары (84,2%).

Субъективные оценки бедности имеют свою специфику, поскольку отражают именно субъективное мнение респондентов, и не всегда связаны с реальным уровнем достигнутого благосостояния. В Москве – городе с высокой концентрацией богатых – респонденты могут задавать себе более высокие стандарты, ориентируясь на доходную группу, к которой они не принадлежат.

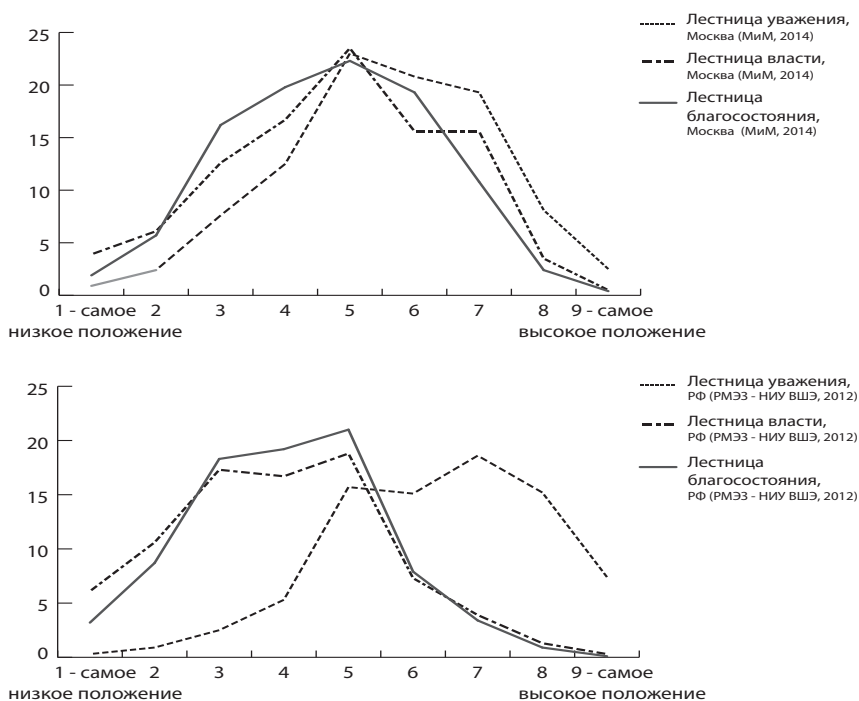
Субъективная оценка личного положения

Начнем анализ социального самочувствия москвичей с ответа на вопрос: как жители мегаполиса оценивают свое положение в социуме и насколько они удовлетворены собственной жизнью? В контексте этого вопроса имеется возможность сопоставить результаты, полученные в рамках московского мониторинга, и исследования населения России

¹ Данный скачок может быть как статистическим артефактом, так и реакцией на кризис.

благодаря сходству инструментария МиМ и РМЭЗ. Формулировки вопросов несколько расходятся, но фиксация производится на основании шкал одной размерности.

Большинство жителей столицы идентифицируют свое положение на самоидентификационных лестницах как среднее, выбирая градации 4–6 на шкале от 1 до 9. Именно так 61,4% жителей Москвы оценивают свое место на лестнице благосостояния; 55,8% – на лестнице власти; 56,3% – на лестнице уважения. В целом по России сегменты респондентов, склонных определять свое положение в самоидентификационной структуре общества как среднее, меньше – 48,1%, 42,7% и 36,2%, соответственно (Рис. 1).

Наибольшее смещение к высоким позициям и по Москве и по России фиксируется в контексте самоидентификации на лестнице уважения. Однако, если для столицы характерно сближение всех трех кривых (Рис. 1) и общий для них пик на 5-м делении шкалы, то по России наблюдается иная картина – субъективные оценки собственных доходов и позиции на лестнице власти ниже, чем в Москве, а на лестнице уважения, напротив, выше.

Рассмотрим ситуацию в Москве подробнее. Среди респондентов с высшим образованием доля относящих себя к низкообеспеченным почти вдвое ниже, чем в числе группы с начальным профессиональным образованием (21 % против 40,9%, соответственно). В 5-м квинтиле по показателю душевого дохода высокообеспеченные по субъективной оценке встречаются в 2,7 раза чаще, чем в 1-м квинтиле. Надо заметить, что для представителей групп, выделенных на основании абсолютного показателя доходов, самым популярным вариантом самоидентификации являются средние значения на шкале благосостояния. Молодые выбирают для оценки своего положения более высокие значения самоидентификационных шкал, чем жители столицы пенсионного возраста. Среди последних более 40% относят себя к низкообеспеченным группам и только около 9% к высокообеспеченным (для молодежи аналогичные доли составляют 22,9% и 13,3%, соответственно).

Теперь уделим внимание самоидентификации жителей столицы на лестнице власти. Чаще других высокие оценки своему положению дают опрошенные москвичи с высшим образованием и респонденты, входящие в 5-й квинтиль по уровню дохода: доля тех, кто относит себя к наиболее влиятельным, составляет среди них 24,3% и 26%, соответственно. Обращаясь к группам населения разного возраста, отметим представителей старшей категории жителей Москвы, которые существенно отличаются от остальных по структуре оценок своего положения на самоидентификационной шкале власти. Женщины старше 54 лет и мужчины старше 59 лет чаще выбирают первые три ступени соответствующей лестницы и реже идентифицируют себя, как имеющих большую власть.

В контексте самоопределения на лестнице уважения останавливают внимание на себе те же группы, что и в предыдущем сюжете. Однако различия между респондентами здесь являются менее выраженными. Среди населения с высшим образованием в 1,7 раза больше тех, кто полагает, что пользуется значительным уважением в обществе, чем в числе остальных жителей столицы (36,1% против 20–22%). Москвичи из самых обеспеченных семей заявляют о высоком уважении к ним вдвое чаще, чем представители 1-го квинтиля по доходу и в 1,8 раза реже ставят себя на одну из трех нижних ступеней соответствующей лестницы. Население пенсионных возрастов снова демонстрирует более скромные самоидентификационные оценки, но на этот раз отличается от молодежи Москвы по доле стоящих на 7–9 ступенях в 1,4 раза (22,2% против 31,2%).

В завершение проанализируем удовлетворенность населения Москвы жизнью в целом. В рамках мониторинга для фиксации информации используется стандартная формулировка вопроса «Насколько Вы удовлетворены своей жизнью в целом в настоящее время?» с пятью вариантами ответов (от «совсем не удовлетворены» до «полностью удовлетворены»), что позволяет сопоставить ситуацию в столице и в целом по стране, прибегая к синтезу данных мониторинга МиМ и РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Москвичи демонстрируют большую удовлетворенность жизнью, чем россияне: среди первых более 60% отметили, что удовлетворены жизнью, тогда как негативные ответы дали только 8–9% (в том числе крайне негативные – менее 1,5%), а в числе вторых удовлетворены жизнью оказались 52%, не удовлетворены – 23% (в том числе совсем не удовлетворены – 6,4%). При этом в столице намечается тенденция увеличения доли населения, полностью удовлетворенного своим положением: в 2014 г. более 14% респондентов выбрали именно этот вариант ответа на соответствующий вопрос анкеты мониторинга, тогда как год назад такое настроение демонстрировали 10,1%. Сопоставляя доли удовлетворенных жизнью по отдельным категориям населения Москвы, следует отметить следующее: чем выше образование и доход в группе, тем больше в ее составе позитивно оценивающих собственную жизнь, а доля ответов «полностью удовлетворен» или «удовлетворен» с возрастом уменьшается. Самые значительные сегменты тех, кто абсолютно доволен жизнью, фиксируются среди жителей столицы с высшим образованием (18,3%), представителей 5-го квинтиля по доходу (20,6%) и возрастной категории 35–44 лет¹.

Доля совершенно не удовлетворенных жизнью столь мала, что не дает возможности провести статистически значимое сравнение по отдельным группам москвичей. Отметим, однако, что в этом контексте из ряда других выделяются жители Москвы с самым низким уровнем образования, население 1-го квинтиля по доходу и группы пенсионных возрастов.

Обеспокоенность социально-экономическими проблемами и оценка социальной среды

Для понимания социального самочувствия крайне важна оценка обеспокоенности населения различными проблемами, причем наиболее информативен сравнительный анализ полученных в этом контексте результатов, позволяющий составить своеобразный рейтинг злободневных для жителей столицы тем.

Более других вопросов москвичей волнует преступность и терроризм, личная безопасность и возможность получения медицинской помощи².

¹ Заметим, что по суммарной доле удовлетворенных жизнью эта возрастная категория не является абсолютным лидером.

² В перечень тем, обеспокоенность которыми фиксирует МиМ, вошли следующие: безработица, взятки, коррупция, митинги, народные волнения, изменение курсов валют, инфляция, рост цен, экологическая обстановка, чистота и ухоженность города, приток мигрантов из других городов России, приток мигрантов из стран СНГ и бывшего СССР, возможность эмиграции, личная безопасность, наркомания и алкоголизм, свобода слова, бездомные животные, преступность и терроризм, улучшение жилищных условий, качество дорог, пробки на дорогах, капитальный ремонт и расселение ветхого жилья, вопросы организации или ликвидации ТСЖ, возможность получить образование, возможность получить медицинские услуги, реформа пенсионной системы, снижение порога беспошлинного ввоза в трансграничной интернет-торговле.

В среднем свою обеспокоенность этими проблемами респонденты оценивают на 4,4–4,5 баллов по 5-балльной шкале. Опрошенные старшей возрастной категории сильнее других оказались встревожены следующими темами: возможность получения медицинских услуг, экологическая обстановка и ухоженность города, митинги и народные волнения, организация и ликвидация ТСЖ. Для самой молодой группы в большей степени, чем для других характерно внимание к вопросу возможности получения образования и проблеме свободы слова, а для категории 25–34 лет – темы улучшения жилищных условий и снижения лимита беспошлинного ввоза, установленного для покупок в зарубежных интернет-магазинах. Обеспокоенность остальными проблемами свойственна населению средних возрастных групп. И, если опрошенных 35–44 лет в большей степени волнуют экономические и инфраструктурные вопросы (безработица, инфляция, курсы валют, качество дорог и транспортные пробки), то респондентов от 45 лет – социальная среда и личная безопасность (коррупция, мигранты, эмиграция, наркомания и т.д.).

Следует отметить, что среди низкообеспеченных больше доля обеспокоенных возможностью получения медицинской помощи, реформой пенсионной системы, а также митингами и чистотой города, чем среди прочих респондентов. Это во многом обусловлено значительным представительством населения пенсионных возрастов в группе с самыми низкими доходами.

Среди самой высокодоходной группы отмечаются наибольшие доли взволнованных темами расселения жилья, снижения границы порога беспошлинного ввоза в трансграничной торговле, а также проблемами эмиграции и свободы слова.

Наконец, фиксируются и различия во мнениях групп населения с разным уровнем образования. Население Москвы с высшим образованием чаще других обеспокоено качеством дорог и пробками, изменением курсов валют и инфляцией, снижением беспошлинного ввоза товаров из зарубежных интернет-магазинов. Категория с самым низким уровнем образования (напомним, что в нее входят и молодые люди, которые еще не успели получить профессиональное образование в силу возраста) демонстрирует большее волнение, чем другие москвичи в отношении вопросов получения образования, безработицы, свободы слова, а также возможности эмиграции.

Еще один штрих к картине социального самочувствия населения – субъективная оценка среды. В связи с этим обратимся к анализу мнения москвичей относительно ощущения личной безопасности в городе. Большинство полагают, что на улицах Москвы можно чувствовать себя комфортно даже в вечернее и ночное время. Причем по сравнению с 2013 г. в 2014 г. получены более оптимистичные оценки. Если в 2013 г. более 40% жителей столицы отмечали, что даже в центре города нельзя чувствовать себя в безопасности, находясь на улице в вечернее или ночное

время суток, то в 2014 г. – 31,2%. Оценка небезопасности в спальнях районах сократилась на 8,5% (с уровня 55,8 до 47,3%). Наконец, опрошенные стали позитивнее оценивать и обстановку в районе собственного проживания: в 2013 г. почти 49% жителей Москвы отмечали, что выходить из их дома в вечернее и ночное время небезопасно, а в 2014 г. – менее 38%. Однако, надо заметить, сегмент тех, кто не считает среду города комфортной, остается очень значительным.

Различные категории респондентов существенно расходятся во мнениях относительно безопасности города. Так, жители столицы с высшим образованием склонны оценивать ситуацию несколько позитивнее остальных: среди них доля утверждающих, что даже в центре Москвы небезопасно находиться поздно вечером или ночью составляет 28,4%, тогда как в числе других категорий москвичей – от 32,8% до 37,8%.

Не удастся установить четкой связи уровня дохода с оценкой безопасности мегаполиса. Но нельзя не отметить, что взгляд на проблему с точки зрения групп с доходами выше среднего немного оптимистичнее. Существенная дифференциация мнений обнаруживается в разрезе групп разного возраста: чем старше опрошенные, тем больше в составе тех, кто считает, что на улицах города (будь то центр, спальня район или район проживания) поздно вечером или ночью находиться небезопасно. Для сравнения: такой точки зрения в отношении центра Москвы придерживаются 28,7% москвичей в возрасте до 25 лет и 36,9% жителей пенсионного возраста.

В целом, несмотря на позитивные тенденции, субъективные оценки позволяют утверждать, что среда мегаполиса остается источником социального стресса.

Использование многокритериального подхода к оценке уровня жизни позволяет получить более полное представление о положении населения, чем альтернативные методы. В этой рамке мы не только оцениваем доли населения с разным уровнем благосостояния, учитывая при этом и доходы, и возможности, и социальное самочувствие, но и определяем, какой компонент в дефиците у отдельных категорий семей. Так, обращаясь к данным московского обследования, обнаруживаем, что бедность по доходу является самой значимой проблемой для семей с детьми до 18 лет, а более высокие риски бедности по депривациям характерны для бездетных домохозяйств (особенно пенсионеров), наконец, лишения испытывают преимущественно семьи с незанятыми трудоспособными. Картину дополняют данные о субъективных оценках собственного положения: несмотря на то, что более 60% москвичей удовлетворены своей жизнью, обнаруживаются значительные сегменты обеспокоенных особенностями среды мегаполиса (в частности, проблемой гарантии личной безопасности). Более

позитивные оценки в этом контексте оказываются присущи образованным, обеспеченным и молодым жителям столицы.

В завершение отметим, что предпринимая попытку реализовать комплексный подход на основе мониторинга «Москва и москвичи», мы не только описываем различные аспекты благосостояния и социального самочувствия, но и демонстрируем возможность динамического анализа показателей. Следует признать, однако, что такая работа может быть реализована только на данных, характеризующих более протяженный отрезок времени, а пара реперных точек позволяет лишь сделать предположения относительно тех или иных тенденций и провести сопоставление данных по Москве с общероссийскими данными.

Выражения благодарности

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

Список источников

Мониторинг «Москва и москвичи» // <http://igrm.info> (дата обращения: 12.02.2015).

Овчарова Л. Н., Бурдяк А. Я., Пишняк А. И., Попова Д. О., Попова Р. И., Рудберг А. М. *Динамика монетарных и немонетарных характеристик уровня жизни российских домохозяйств за годы постсоветского развития: аналитический доклад*. Москва: Фонд «Либеральная Миссия», 2014.

Овчарова Л. Н., Прокофьева Л. М., Токсанбаева М. С. *Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению*. Москва: Московский Центр Карнеги, 1998.

РИДМИЖ // <http://socpol.ru/gender/RIDMIZ.shtml> (дата обращения: 12.02.2015).

РМЭЗ НИУ ВШЭ // <http://hse.ru/rlms> (дата обращения: 12.02.2015).

Becker G. S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. Chicago: University of Chicago Press, 1964.

Laurie H., Ovtcharova L., Popova D. *Support for Poverty Reduction in Leningrad oblast: Analysis and Recommendations*. Birks Sinclair and Associates and the UK Department for International Development, 2006.

Mack J., Lansley S. *Poor Britain*. London: George Allen and Unwin, 1985.

OECD. *How's Life? Measuring Well-being*. Paris: OECD, 2011.

Ovcharova L., Tesliuk E. *Poverty and Inequality in Russia: Sensitivity of Poverty and Inequality Statistics to Alternative Definitions of Households Welfare. Illustration Using the NOBUS Survey*. Moscow: The World Bank, 2006.

Ravallion M. *Poverty Comparisons: a Guide to Concepts and Methods Living Standards Measurement Study Working Paper*. Washington DC: The World Bank, 1992.

Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. P. *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. 2009 // <http://www.un.org/en/ga/president/65/initiatives/Harmony%20with%20Nature/Stiglitz-Sen-report-ENG.pdf> (дата обращения: 12.02.2015).

Townsend P. *Poverty in the United Kingdom: a Survey of Household Resources and Standards of Living*. Harmondsworth: Penguin, 1979.

UNDP *National Human Development Report for the Russian Federation 2011. Modernisation and Human Development*. Moscow: UNDP, 2011.

Van Praag B., Goedhart T., Kapteyn A. The Poverty Line – a Pilot Survey in Europe // *The Review of Economics and Statistics*. 1980. (62): 461–465.

Vandemoortele J. *Equity Begins With Children. UNICEF Social and Economic Policy Working Paper*. New York: UNICEF, 2012.

Whelan C., Maitre B. The "Europeanisation" of Reference Groups. A Reconsideration Using EU-SILC // *European Societies*. 2009. 11(2): 283–309.

Alina Pishnyak, Daria Popova

HOUSEHOLDS' STANDARD OF LIVING AND QUALITY OF LIFE IN MOSCOW: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE INDICATORS

This article monitors and analyses some of the most important indicators of material and social well-being of the residents of Moscow. The multidimensional approach applied in this article enables us to make a comprehensive assessment of the main changes in the quality of life of the population. The analysis is based on the 2012-2014 waves of the annual longitudinal survey "Moscow and Muscovites" which allows examining both objective and subjective indicators of the quality of life in the Russian metropolis. The indicators covered by the study include: the level of income security, poverty rates by income, relative deprivation and subjective assessment by the respondents, as well as the respondents' self-assessment of their wealth and relative position in a society. A special attention is paid to the social issues that are perceived as important by the respondents, in order to obtain a more comprehensive picture of social well-being of residents of Moscow over the past three years.

Keywords: standard of living, quality of life, well-being, income, poverty, social well-being, the population of Moscow.

References

- Becker G. S. (1964) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*, Chicago: University of Chicago Press.
- GGG [Gender and Generation Survey]. Available at: <http://socpol.ru/gender/RIDMIZ.shtml> (accessed 02 February 2015).
- Laurie H., Ovtcharova L., Popova D. (2006) *Support for Poverty Reduction in Leningrad oblast: Analysis and Recommendations*. Birks Sinclair and Associates and the UK Department for International Development.
- Mack J., Lansley S. (1985) *Poor Britain*, London: George Allen and Unwin.
- Monitoring "Moskva i Moskvichi" [Monitoring "Moscow and Muscovites"]. Available at: <http://igrm.info> (accessed 02 February 2015).
- OECD (2011) *How's Life? Measuring Well-being*, Paris: OECD.
- Ovcharova L., Burdyak A., Pishnyak A., Popova D., Popova R., Rudberg A. (2014) *Dinamika monetarnykh i nemonetarnykh kharakteristik urovnya zhizni rossiyskikh domokhozyaystv za gody postsovetskogo razvitiya: analiticheskiy doklad* [The Dynamic of Monetary and Non-monetary Characteristics of the Standard of Living of Russian Households in the Post-Soviet Period: Analytical Report].

Alina I. Pishnyak – candidate Sociology, leading researcher, Center for Studies of Income and Living Standards, NRU HSE, Moscow, Russian Federation. E-mail: a.pishniak@socpol.ru

Daria O. Popova – PhD, candidate of Economy, leading researcher, Center for Studies of Income and Living Standards, NRU HSE, Moscow, Russian Federation. E-mail: dpopova@hse.ru

tary and Non-Monetary Indicators of Quality of Life During the Post-Soviet Period], Moscow: Liberal Mission Foundation.

Ovcharova L., Prokof'eva L., Toksanbaeva M. (1998) *Bednost': al'ternativnye podkhody k opredeleniyu i izmereniyu* [The Poverty: Alternative Approaches to Definition and Measurement], Moscow: Carnegie Moscow Center.

Ovcharova L., Tesliuk E. (2006) *Poverty and Inequality in Russia: Sensitivity of Poverty and Inequality Statistics to Alternative Definitions of Households Welfare. Illustration using the NOBUS Survey*, Moscow: The World Bank.

Ravallion M. (1992) *Poverty Comparisons: a Guide to Concepts and Methods Living Standards Measurement Study Working Paper*, Washington DC: The World Bank.

RLMS NRU HSE. Available at: <http://hse.ru/rlms> (accessed 02 February 2015).

Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. P. (2009) *Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. Available at: <http://www.un.org/en/ga/president/65/initiatives/Harmony%20with%20Nature/Stiglitz-Sen-report-ENG.pdf> (accessed 12 February 2015).

Towensend P. (1979) *Poverty in the United Kingdom: a Survey of Household Resources and Standards of Living*, Harmondsworth: Penguin.

UNDP (2011) *National Human Development Report for the Russian Federation 2011. Modernisation and human development*, Moscow: UNDP.

Van Praag B., Goedhart T., Kapteyn A. (1980) The Poverty Line – a Pilot Survey in Europe. *The Review of Economics and Statistics*, (62): 461–465.

Vandemoortele J. (2012) *Equity Begins With Children. UNICEF Social and Economic Policy Working Paper*, New York: UNICEF.

Whelan C., Maitre B. (2009) The "Europeanisation" of Reference Groups. A Reconsideration Using EU-SILC. *European Societies*, 11(2): 283–309.